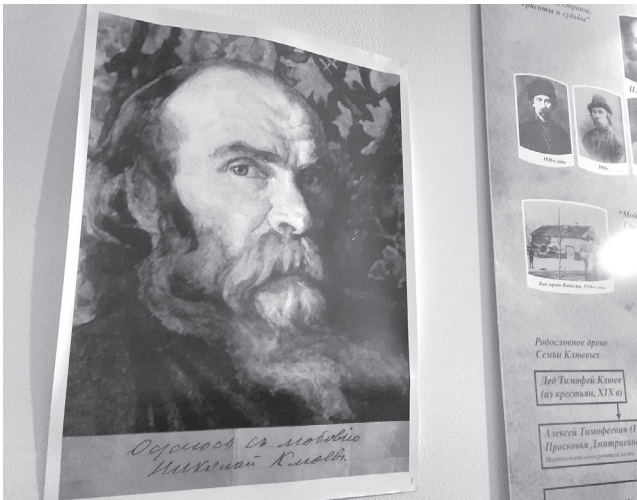

Климовская Галина Ивановна	90 лет	18 марта
Колыхалов Вениамин Анисимович	85 лет	8 апреля
Кортусова Ольга Михайловна	65 лет	15 июля
Савченко Анна Владимировна	45 лет	8 сентября
Акутин Владимир Михайлович	75 лет	11 октября
Лапшин Олег Валентинович	60 лет	4 ноября

ВСЕРОССИЙСКИЕ КЛЮЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

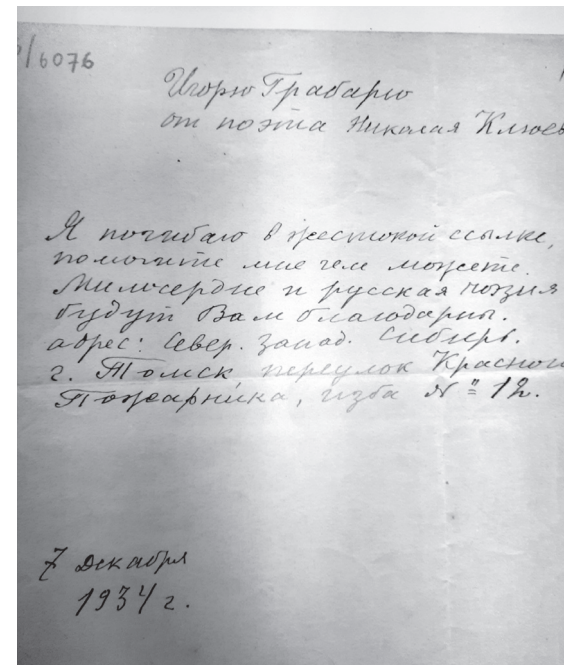
Состоялись в школе №58 г. Томска. Там, где многие годы успешно работает единственный в стране школьный музей Николая Клюева

Школьники подготовили обширную программу на произведения Николая Клюева. Стихи поэта читали Ирина Гуйван, Тимур Фазлутгинов, Глеб Шишков, Арина Снегирева, Артем Снегирев. Музыкальные номера на стихи Н. Клюева подготовили школьные ансамбли «Красная горка», «Веселые нотки», а также хор «Тоника».

В работе Чтений приняли участие и выступили председатель Томской писательской организации Геннадий Скарлыгин, лауреат Шукшинской литературной премии писатель Владимир Костин, народный художник Леонтий Усов, краевед Владимир Безходарнов и поэт Ольга Комарова.

Владимир Безходарнов передал музею копию книги «Мать Суббота», изданную в 1922 году в Петербурге и подаренную Николаем Клюевым в 1937 году родственникам краеведа.

ТАКАЯ РАБОТА

«ТОМСКИЙ КЛАСС» - СЕМИНАР МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЙ ПРОВОДЯТ ПРИ ТОМСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ УЖЕ БОЛЕЕ 10 ЛЕТ.

Задачи «Класса» изначально были сформулированы автором идеи – Александром Ревовичем Рубаном: «Это – не соревнование, не состязание за право считаться лучшим. Главное – возможность представить свою работу и побеседовать с единомышленниками, занятыми тем же трудом». Собираются люди по преимуществу действительно молодые (самым младшим участникам в этом году было по 15 лет). Плюс старшие товарищи, ведущие секций: поэты София Рубакова, Елена Клименко и прозаики Татьяна Назаренко и Валентина Чубковец.

У всех собравшихся – разный возраст, разный опыт. И абсолютно одинаковое положение. Ведущие секций не считают себя непререкаемыми авторитетами. Да, они более опытные, их стаж на литературной ниве побольше. Но равное право голоса имеют все присутствующие. Это возможность учиться друг у друга.

Обсуждения идут, невзирая на возраст. Да, жизненный опыт сказывается на творчестве, но то, что человек в состоянии написать в пятнадцать-двадцать лет, он может уже не создать позднее. Возраст – не преимущество и не оправдание.

Мы не со ревнуемся, то есть не видим в других участниках семинара соперников. Мы видим товарищей, единомышленников, тех, кто сможет тебя понять, выслушать, помочь. Разумеется, есть работы более зрелые, а что-то потребует доработки. Наиболее состоявшиеся отрывки и рассказы получают допуск к широкому кругу читателей: через публикации в журнале «Начало века» и на страничке Томской писательской организации «Мастерская» в популярной областной газете «Красное знамя».

Но кое-что из происшедшего на «Классе» невольно остаётся за кадром. Потому что во время мастер-класса звучала не только конструктивная критика (иные варианты не возникали, а возникли бы – решительно пресекались ведущими). Шёл серьёзный разговор на важные темы: о месте литератора, о соотношении в его творчестве вечных тем и злобы дня. Как писать так, чтобы злободневное стало вечным. В качестве образцов называли литераторов военной поры: Константина Симонова, Александра Твардовского. А ещё отмечали, что в творчестве любого человека важна его индивидуальность, отличие собственного голоса от любого другого, пусть даже и гениального.

Я из года в год прихожу на «Томский класс» не только и не столько учиться тому, что умею сама, но и самой учиться у людей, которые молоды и талантливы.

Татьяна НАЗАРЕНКО.

«ТОМСКИЙ КЛАСС»

Произведения участников областного совещания молодых писателей

Секция поэзии

БАН Ангелина

Музыка звёзд

Скрипка поёт серенаду звёзд.
Глядя на небо, я её слышу.
Я поднимаюсь всё выше и выше,
Взлетая к звёздам на синий мост.
Я над Землёй, я во Вселенной
На стоге скошенных трав на сено,
Засушенных солнцем этого дня,
С музыкой звёзд, манящей меня.

КОЛЧАНОВ Андрей

***

Обниму уходящее лето,
До порога его провожу.
И холодные слезы рассвета
Поутру на окне нахожу...

Летний сок выпит мной без остатка,
Осень дарит свой яркий букет.
Пыльный стол и пустая тетрадка,
Память школьных, затейливых лет!

ЛЕДАЩЕВ Андрей

БУХАНОЧКА

Под Угледаром без особых перемен.
Без стычек, взрывов, артобстрелы редки.
А нам бы солнца получить на дождь взамен.
Работы нет для аэроразведки.

Кругом туман. Слепые мы. Да и они
Накинули нам «лепестков» не глядя.
Тяжелой технике оно не повредит,
А вот колёсам достанется, ляди.

На Угледар летит «буханочка» моя.
Сломается - починим «на коленке».
Весь экипаж как настоящая семья.
Хоть на парад, а хоть поставьте к стенке.

Здесь в сорок третьем дед мой спасся от огня,
В «полторке», попав под миномёты.
Оберегая не рождённого меня -
Остался жить, сведя со смертью счёты.

И вот, спустя каких-то восемьдесят лет,
По тем же самым фронтовым дорогам.
С артиллеристами в разведке, как мой дед,
В «буханочке» оберегаюсь Богом!

БРОННИКОВА Полина

***

Если ты ворвёшься снова в это сердце,
Натоптав ботинками в маленькой прихожей,
Я же, дура глупая, дам тебе согреться.
Я же, дура глупая: добрая, хорошая.
И потом конечно же нарыдаюсь допьяна,
Расплескаюсь искрами, перельюсь за края,
Рассмеюсь и выцвету, словно копии копий,
Если что-то должен мне, то не отдавай.

Если ты мне должен был что-нибудь заветное,
То сложи в коробочку это и сожги.
Я найду когда-нибудь пепел, и ответами
Станут уносящие от тебя шаги.

РОМАНЧУКОВ Сергей

***

Нет правды без любви и нет любви без жизни,
Твои глаза как лёд под сводами моста —
Мы падаем во тьму, лишь мимолётной искре
Понятны эта боль, восторг и пустота.

Мы умерли давно. Приученное тело
Среди мирских рутин ведёт автопилот,
Он шлёт сигналы слов — отчётливо, умело —
Сигналы вникуда. Где их никто не ждёт.

Маршрутами забот на топливе калорий
Забывший механизм привычно прёт вперёд.
Вперёд, за кругом круг... А где-то шепчет море,
К которому маршрут никак не приведёт.

Нет жизни без любви, и нет любви без веры,
Автопилот влечёт в привычные места,
Летят мои слова и тают как химеры,
Твои глаза как лёд под сводами моста...

13.06.2023

ЛЕДЕНЕВ Илья

***

Не лезет строчка в ум поэта.
Молчит поэзия внутри.
Забыл свой дом, оставил где-то
себя, шагнув в проём двери.

Сказали, что я слаб для мести.
На кровь я кровью не плачу.
Не верю. А она знает, что сегодня месяц достаточно близок,
но дом свой видеть не хочу.

Исписан лист усталым летом.
Ладони стерлись до крови...
Не лезет строчка в ум поэта,
коль нет поэзии внутри.

Секция прозы

Асия ИЛЬЯСОВА.

***

В один день (как, впрочем, и во все другие дни, начиная от сотворения мира) каждый жил своей жизнью. Люди радовались, огорчались, спешили по делам, мыли полы и кастрюли, заполняли отчеты и вышивали крестиком, пили шампанское за здоровье молодоженов и водку за упокой почивших.

Но так было ровно до одного момента. В один страшный миг прервалось телевидение, из радиозэфира исчезли сводки новостей, и в мире, сначала цифровом, а после и реальном, повисла одна новость.

Именно в этот день в мире стремительно стало уменьшаться количество кислорода в воздухе. Почему? Не важно. Страшная экологическая катастрофа, авария, что-то ещё. Планета устала и решила сбросить лишний груз. Важнее другое — выживут не все...

По всей Земле появились пункты, где выдавали баллоны с воздухом. И сразу, в эти сараи выстраивались огромные, многокилометровые очереди.

Очередь пестрила огромным количеством разных людей. В начале эта пестрая толпа стояла смиренно и даже чинно, пресекая чью угодно попытку пролезть вне очереди.

Но потом, когда стало ясно, что хватит далеко не всем, толпа начала роптать. Каждый старался выбить себе ещё немного кислорода, ещё немного жизни! Им казалось, что ещё немного и проблема решится сама. Только бы дожить. Люди кричали всё сильнее:

- Святые угодники! Пропустите, со мной младенец! Ему ещё жить и жить! Молю вас, не погубите мое дитя! Он нужен человечеству, мы должны размножиться - одной из первых запричитала молоденькая женщина с младенцем на руках. Малыш от духоты ревел, беззастенчиво сжигая драгоценный кислород, и даже не подозревал, что его мать уже сделала из него главную надежду человечества

- Пропустите, со мной мой старик-дядя. Он всю жизнь проработал учителем. Мы должны обеспечить ему достойную пенсию... то есть право жить! - заикаясь и запинаясь вторил кудрявый парнишка в очках откуда-то из середины очереди.

Заметив, как очередь начала расступаться перед мамочкой и заслуженным стариком, одни начали кричать о том, почему они достойнее остальных, а другие их опровергали. Крики сливались в один монотонный гул:

- Пропустите, я женщина. Нам необходимы те, кто будет продолжать род, - крикнула блондинка лет двадцати пяти откуда-то из хвоста очереди.

- Окститесь, дамочка. Мужчины нужнее в мире! Одним женщинам нельзя продолжить род! К тому же мужчины сильнее физически! - тут же ответил подкачанный мужчина немного впереди «дамочки».

- Я молод. Дайте мне пожить, ведь я толком и не начинал!

- Уступите мне, я стара, неужели я не заслуживаю уважения за то, что прожила такую жизнь?

- Пустите, я пожарный!

- Дайте пройти, я селькуп! Нас немного осталось!

- Моя дочь, она так красива, у неё такие гены! Пустите нас!

- Я художник, мои умения уникальны! Я достоин тех баллонов.

- Мой внук, он такой сильный! Он должен жить!

- Пропустите. Я больна с рождения! Уступите, пожалуйста убогую!

Все кричали, дрались. Многие так хотели жить, что готовы были начать убивать друг друга. Каждый считал, что достоин жить больше, чем другие.

Тут кто-то заметил, что девушка, получившая баллон ранее, сидит недалеко от домишки и подала в трубки кислород для себя и своей задышавшейся собаки. Вокруг сразу столпились люди.

Она проклянула девушку. Ведь она отдавала кислород собаке, а могла бы им, ведь:

- Да как ты смеешь, бесстыжая, тут дети умирают, а ты собаке помогаешь!

- Я всю жизнь работал и должен ждать, а ты какому-то животному помогаешь!

Обезумевшие люди в конце очереди бросались на тех, кто уже получил кислород, с криками и мольбами, угрозами и увещеваниями, почему именно они достойны жить.

Наконец, из толпы вышел арбитр. Он попытался судить, кому идти вперёд, кому встать за ними, а кому в конец. Кто нужнее? Кто ценнее? За ним появились его помощники, чтобы облегчить смельчаку и проследить за объективностью его решений.

Но как решить, кто достоин? Почему мальчик-отличник достоиннее бомжа, жившего у мусорки? Потому что никогда не употреблял алкоголя? Тогда гениальный учёный, черпающий вдохновение в «зелёном змие», тоже должен отдать свой кислород? Потому что моложе? Тогда старик, всю жизнь отдавший служению отчизне, не достоин жить? Потому что способен иметь здоровое потомство? Тогда в утиль идёт женщина, на вредном производстве (ценнейший сотрудник, одна из немногих в мире умеет работать с определенными веществами) лишившаяся своих детородных функций?

Способен трудиться и принести пользу обществу? Тогда почему бы не перестать заботиться о инвалидах?

А кто из них достойнее, если баллон всего один?

Полина БРОННИКОВА

***

Вчера я предложил Ей перевернуть мир с ног на голову, и, представляешь, Она согласилась! Не просто кивнула, а уже тем вечером мы носились по потолку и смеялись над соседями, когда те приходили к нам узнать, что происходит. Я трижды запнулся о люстре. Теперь она не работает. Это почти сразу перестало волновать.

Свечи в нашем мире ещё не сориентировались и освещать вечер романтикой не выходило, потому мы со смехом тянули за склизкие лучи уходящее за горизонт солнце. Оно нам не поддавалось и тяжело уползло вверх. Казалось, темнота неотвратима, и ночь останется ночью. И мой разум даже почти попытался вернуться в привычный вид и почти утонул меня обратно на пол, когда Она, высунувшись из окна, наклонилась, почти выпадая и цепляясь ногами за гардину, и втянула в дом что-то белое, холодное и светящееся. Сквозь пальцы пробивались бледные лучи, театрально высвечивая предметы. Слово актёры на сцене, в полосках света появлялись действующие лица: штора, убитая люстра (трагичное убийство по неосторожности), пустая кружка, незакрытое окно и прочие, что были когда-то просто вещами в нашей квартире.

Мои глаза не сразу привыкли к новому освещению, а разум не сразу вернулся с ног на голову. В руке Она сжимала что-то тонкое и холодное, словно спица, но изогнутое и яркое, потому спицей не являющееся. Да и откуда взяться

спице в небе? Там птицы, но и на птицу это не похоже. А Она смеётся. Вопросы в моих глазах читаются быстро: он сегодня слишком тонкий и старый, чтобы кто-то заметил его отсутствие. Месяц. В Её руке был месяц. Тот самый, который в своей полноте зовётся луной, а сейчас тонкой гнущей спицей едва ли конкурирует с блеском любопытных и немного безумных глаз. Неужели с ними может быть темно? Не верю. А Она знает, что сегодня месяц достаточно близок, чтобы сыграть роль необычной заколки. Или диадемы. Или нимба. Или ещё чего-то, название чего я не знаю и не могу придумать.

А пока я размышляю над этими глупостями, Она вплетает месяц себе в волосы, превращаясь в ещё более сказочное существо, чем была до этого. Теперь в нашем перевёрнутом мире есть только один свет. Её свет. И мне не под силу понять, что горит ярче: её глаза или своеобразная корона. Или диадема. Или нимб. Или рога.

Знаешь, Она, кажется, только вчера впервые открыла мне себя самую настоящую. Представляешь, я чуть не забыл в бытовом однообразии ту, что рядом. И вдруг от осознания чего-то не формулируемого во мне от корня языка до самого сердца разрослось, раздулось и наполнилось невыразимым то, что почти отняло возможность говорить и дышать. Очевидно, необходимо было это выкричать, высказать, выразить, выпустить. Завороженный, бездыханный, оглушённый шумом собственной крови, я утопал в темноте, страхась нырять в Её свет. В голове не складывались предложения. Мысли катились лавиной отдельных слов.

Меня накрывало.

Она.

Знаешь, я начал падать. Вот-вот нырнул бы головой в пол. И наверняка захлебнулся бы. Весь потолок загудел под моими ногами. Ветер испуганно захлопнул окно, стараясь спрятаться от ожидавших деревянных брызг половиц. Слабый свет над её головой зародился мелкими белыми мушками, наполнив всё, что видели мои глаза. И я утонул бы, захлебнулся, неспособный дышать светом. Если бы не Она.

Весь наш тёмный перевёрнутый мир, маленький снаружи и такой бесконечный внутри, переполнился тем, в чём я, в силу своего короткого возвращения к норме, не успел научиться дышать. Она поймала меня. За руку. В непроглядной темноте и ослепляющем свете. Всё превратилось в меня, и я растворился во всём. Лишь рука осталась рукой, сохраняя свою целостность в Её ладони. Секундное замешательство, и я бы растворился весь, без остатка, и даже пальцы рассыпались бы мелкими мошками света. Но Она успела. Поймала. Сохранила. От самых кончиков пальцев собрала меня заново и научила дышать Её светом. Дышать нашей темнотой. И я ушёл за Ней в неизвестные глубины огромного мира, который раньше считал обычной маленькой квартирой. И время затаило дыхание и замерло, стараясь не порвать тонкую материю нашего безумия. Осталась только Она. Самая настоящая среди новой реальности. Самая волшебная в реальном мире. Я так и не смог понять, чем стал месяц в Её волосах: нимбом ли, рогами ли? Но это не важно.

Знаешь... вчера я предложил Ей перевернуть мир. Она согласилась. Теперь всё совсем иначе. Но ничего не изменилось.

Более полный перечень произведений «Томского класса» будет представлен в нашем журнале «Начало века».